

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

По легенде, этот
стеклянный сад,
созданный венециан-
скими мастера-
ми-стеклодувами,
обладает магическими
свойствами и способен
затягивать внутрь
людей...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Стеклянный сад

Наталья Николаевна Александрова
Стекланный сад
Серия «Артефакт & Детектив»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49605368

Стекланный сад: Эксмо; М.; 2020

ISBN 978-5-04-108426-4

Аннотация

Спасаясь от тайной венецианской полиции – сбиров, племянница знаменитого алхимика и колдуна Сантакьяра укрылась в необыкновенном стеклянном саду, созданном мастерами-стеклодувами, и превратилась в уникальную стеклянную статую... Маша Кочетова всю жизнь была мямлей и неудачницей, но в последнее время ее осаждают странные видения. Она видит удивительный сад, полностью из стекла – светло-голубые деревья, изящные застывшие фонтаны, полупрозрачные статуи. И только этот стеклянный сад поможет Маше полностью изменить свою жизнь и спасти подруг от неминуемой смерти...

Наталья Александрова

Стекло́нный сад

© Александрова Н.Н., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Маша брела по улице, внимательно глядя под ноги, чтобы не вляпаться в лужу, есть за ней такой грех, совершенно не смотрит, куда идет. И вообще жалко будет новые туфли.

Долго их выбирала, колебалась, все решала, что лучше – туфли сейчас или платье, а туфли отложить на осень, чтобы носить их исключительно на выход, как говорит свекровь.

«На *каждный* день, – твердит, – можно что и попроще, а что получше, то непременно побережь. А то если выходные туфли да платье на *каждный* день надевать, то вещь очень быстро в тряпку превратится, нужно будет новую покупать, так все денежки и профуфуются».

Так и произносит «каждный», а не «каждый», как все нормальные люди. И еще словечки разные, как она считает, народные.

Это у нее в последние годы началось, когда она на пенсию вышла. Раньше-то работала в школе, нормально изъяснялась, приличным литературным языком, а теперь вот в на-

род пошла. Пословицами сыплет, поговорками: «Где родился – там и пригодился», «Мал золотник, да дорог», «Без труда не вытянешь рыбку из пруда», «Пусти козла в огород»...

Какой огород? Сроду у нее никакого огорода не было, дачки крошечной на шести сотках – и того нет, Тошку маленького некуда вывезти было, приходилось снимать халупу какую-то без воды и печи.

И каждый раз, как выдает свекровь очередную поговорку, непременно смотрит на Машу, поджав губы, как будто все это к ней относится.

Мол, мы-то понимаем, о ком речь, да только не скажем, мол, мы-то люди деликатные...

Как всегда, когда вспоминалась свекровь, тут же у Маши заломило виски, в них как будто ввинчивался ее скрипучий голос.

Она потрясла головой и все-таки вступила в лужу.

Да уж, день сегодня и правда ужасный. А когда они у нее были, хорошие дни?

Туфли, конечно, по выражению той же свекрови, товарный вид потеряли. Откровенно говоря, они ей и не нравятся: и неудобные, и цвет ей не подходит.

Вчера только мерила, всего-то попросила две пары принести. Так продавщица так разоралась – сами не знаете, чего хотите! Коробку ей бросила, вроде бы на полразмера больше, и все равно чуть тесноваты туфли. А Маша купила, хотя надо было не брать, раз такое отношение. Но не может она

заставить людей себя уважать.

И сегодня с утра не успела на работу прийти, начальник крикнул из кабинета:

– Кочетова, завтра в командировку поедешь!

Маша так и встала на месте, потом в кабинет бросилась:

– Сергей Николаевич, как же так? Договорились, что Лоскутова поедет, я и так уже два раза подряд ездила в этот Металлопрокат.

– Я с тобой ни о чем не договаривался, – шеф отвечает. Это у него манера такая, строгая, как он сам говорит. – Я, – говорит, – с подчиненными строг, но справедлив.

Какая уж тут справедливость, когда она подряд два раза, да еще и третий норовят послать, а Ирка Лоскутова уже два месяца никуда не ездила.

Сначала по-хорошему попросила ее подменить – дескать, мама тяжело больна, Маша и согласилась. Да только бухгалтер Антонина Ивановна ей потом и сказала: дура ты, дура, ничему тебя жизнь не учит. Ирка-то с хахалем в пансионат намылилась на четыре дня, два отгула у начальника выпросила.

А в этот раз сразу поняла Ирка, что с мамой больной номер не прокатит, так, видно, заранее к начальнику подольстилась. Так-то он с подчиненными не спит, принципы у него, опять же Ирка противная такая, сплетница жуткая. А на самом деле, та же бухгалтер считает, что ему и жены-то многовато, все-таки возраст прилично за пятьдесят.

Так что начальник уже все заранее решил, поедешь, говорит, и точка. А если не нравится, то вот тебе Бог, а вот – порог, увольняйся прямо сейчас. Никто не держит.

Ага, увольняйся, а кто тогда в командировку поедет? Пугает только начальник, когда он еще человека на ее место найдет? Да к тому же такого покладистого и безотказного.

Но Маша понимать-то все понимает, а сказать резко не может, не умеет, такой уж у нее характер. И можно ведь плюнуть на все да уйти, так боится. Профессии у нее, считай, никакой, образование – техникум, как представит она унижительные разговоры с кадровиками, да еще дома свекровь будет пилить, мол, не дал тебе Бог ума, так сиди на месте и не дергайся.

Муж свою мамочку всегда поддержит, на Машу смотрит снисходительно, покрикивает, зовет Маруськой. Нарочно так говорит, знает, что Маше неприятно.

Маша смотрит на начальника, закусив губу, и сказать ничего ему не может, обещал же он ей в прошлый раз, что не пошлет в ближайшее время в этот чертов Металлопрокат. И забыл, конечно, улестила его Лоскутова, уговорила.

А начальник увидел на ее глазах слезы и еще больше разозлился.

Меня, кричит, уговаривать не надо, поедешь – и точка! Кулаком еще по столу стукнул, так что ручку сломал дареную дорогую. От этого еще больше рассвирепел.

Еле досидела Маша до обеда, никто ее не трогал, даже

Лоскутова куда-то из комнаты испарилась, видно, совестно все же.

Перед обедом поймала ее бухгалтер Антонина Ивановна, сунула документы, что в Металлопрокат отвезти нужно, сказала, что она потом в банк уйдет, так что лучше сейчас разобраться. И ты, говорит, иди с обеда домой, скажешь, что собраться нужно.

На улице дождь хлещет, но Маша все равно ушла, чтобы злорадной морды Лоскутовой не видеть.

И вот теперь куда деться? Не домой же, там свекровь привяжется с вопросами, вечером муж явится, непременно скандал устроит.

И ведь Маша точно знает, что ему все равно, есть она в доме или нет, он и не заметит, если она не придет. Но обязательно выскажет все про командировку. Это мамаша ему в уши напела, что женщина семейная должна при доме находиться, с чужими мужиками по командировкам не мотаться.

При том, что муж абсолютно ее не ревнует. И свекровь в этом плане тоже спокойна, так прямо и говорит при Маше: «На нашу-то кто польстится – ни рожи ни кожи у ней нету...» Ага, так и говорит – не у нее, а у ней, это уж обязательно.

Маша в свое время глупость сделала, рассказала им, что начальник придирается. Свекровь тут же высунулась, это, говорит, потому, что ты себя поставить не умеешь.

Что за выражение такое – «поставить»? Что она – кресло,

комод или вешалка в прихожей?

Вот я, свекровь говорит, всегда себя поставить умела.

Ну да, это уж конечно. Если по габаритам свекрови судить, то не женщина, а шкаф платяной трехстворчатый, его уж если поставят, то с места лет пятьдесят не сдвигают.

Нет, домой сил нет идти. Хотя собраться и правда надо. Прямой электрички до этого самого Металлопроката (чтоб он сгорел целиком) нет, нужно ехать до узла железнодорожного, а там пересаживаться на дизельный подкидыш.

Но дело в том, что этот подкидыш ходит два раза в сутки, и чтобы поспеть к нему, нужно сесть на электричку, которая отходит в шесть пятнадцать.

Значит, встать в пять утра и ехать на первом поезде метро до вокзала, а там бежать бегом. И когда она, невыспавшаяся и пропахшая дымом дешевых сигарет, попадет в этот Металлопрокат, ее встретят хмурые небритые мужики, которые даже на здрассте не отвечают. Директор завода сильно пьющий, бухгалтерша – жуткая баба с вечно поджатыми губами, секретарша – блондинка не первой молодости с накачанными гелем губами (кто сейчас так делает?).

Она спит с директором и стережет его почище кавказской овчарки, опасается всех женщин от пятнадцати до пятидесяти пяти.

Разговаривают на этом заводе все исключительно матом, кроме секретарши, та только шипит, как рассерженная кобра. Пока добьешься от них толку, семь потов сойдет.

Ночевать раньше можно было в служебной гостинице, но там огромные злющие клопы и замки на дверях номеров, считай, что никакие, могут ночью пьяные вломиться. К тому же за кражу личных вещей администрация не отвечает, это у них возле стойки крупными буквами написано.

Украли у Маши как-то кошелек, хорошо там денег мало было, но кошелек новый, жалко.

Так что теперь нужно комнату снимать у бабки, что возле станции живет. Там тоже не больно чисто, и бабка мрачная, однако хоть не воруют, и никто ночью не вломится, у бабки собака злющая, вся в хозяйку, но чужих не подпускает.

Дождь полил сильнее, и Маша огляделась в поисках какого-нибудь укрытия.

Как раз рядом оказалась вывеска кафе.

Если она немедленно не выпьет чаю, то простудится.

Маша не ходила в кафе в обеденное время, она брала с собой бутерброды. С ее зарплаты в кафе не насидишься. Ну и ладно, сегодня можно, ей выдали командировочные.

Она шагнула к дверям кафе. Туфли немилосердно жали.

Кафе оказалось небольшим, всего один зал, да к тому же плохо освещенный. Маше это было на руку, она прошла в дальний угол и села у стены на диванчик. Народу было немного. Официантка молча положила на стол меню.

– Мне чаю, – сказала Маша, – обыкновенного, черного, и пирожное, только без крема.

Она сняла под столом туфли и откинулась на мягкую спинку дивана.

Ох, не зря говорят, если хочешь быть счастливым, купи себе тесные ботинки. Сейчас еще чай принесут...

Она встретила официантку с радостью. Но что это? Нос уловил аромат кофе...

– Что это? – Маша отодвинула в сторону чашку. – Кофе? Я же просила чай!

– Вы просили кофе! – огрызнулась девица. – Я точно помню, кофе черный, без сахара... у меня еще склероза нет, я все заказы помню! А если не верите, вот у меня записано! – и ткнула Маше блокнот, где было что-то неразборчиво нацарапано.

Но как же... Маша хотела возмущенно закричать, но тут заметила в глазах девицы злорадные огоньки.

За что они все так с ней? Что она им всем сделала?

Горло перехватило, и чтобы не закашляться, она отхлебнула горького кофе. И все вдруг пропало – и злющая официантка, и затрапезное кафе, и весь этот дождливый город...

Маша стояла перед высокой ажурной оградой.

За этой оградой она увидела удивительный сад – ровные ряды аккуратно подстриженных деревьев, за которыми прятались круглые клумбы и длинные ухоженные цветники, удивительные фонтаны и укромные беседки...

Но все это было какое-то странное, ненастоящее – свет-

ло-голубые, полупрозрачные деревья, голубые полупрозрачные цветы на клумбах, голубые полупрозрачные статуи...

И ограда, перед которой она стояла, была из того же странного, удивительного полупрозрачного материала. Словно она была соткана из сгущенного, уплотнившегося воздуха, воздуха одновременно легкого и плотного, каким он бывает в первые волшебные минуты наступающих сумерек, когда все кажется нереальным.

Маша почувствовала непреодолимое желание войти в этот сад, пройти по его дорожкам, ощутить аромат этих цветов.

Она толкнула полупрозрачную калитку и вошла в сад.

Она шла по дорожке – и с каждым шагом душу ее переполняло удивление.

Сад был полон тишины. Особенной, звенящей тишины. Так звенит струна еще долго после того, как ее коснется смычок или пальцы музыканта.

Не щебетали птицы, сидевшие на голубых ветвях, и даже листья голубых деревьев не шелестели под ветром. Не журчали фонтаны, хотя струи воды извергались из пастей фантастических созданий – сказочных рыб, дельфинов, морских коней.

Казалось, этот сад погружен в магический сон, как сад в замке Спящей Красавицы.

Маша наклонилась над клумбой, чтобы понюхать голубую полупрозрачную розу – но у этой розы не было запаха. Точ-

нее, она пахла чем-то незнакомым, странным, как бывает во сне.

Тогда она дотронулась до голубого стебля – и от ее прикосновения стебель призрачной розы треснул и раскололся, голубая роза упала на землю и с нежным, мелодичным звуком рассыпалась на миллион крошечных осколков.

И только теперь Маша поняла, что сад, в котором она оказалась, сделан из стекла. Из полупрозрачного стекла цвета выцветшего весеннего неба. Тревожного, нежного, прозрачного неба, каким оно бывает в середине марта.

Стеклянная вода лилась из стеклянных фонтанов, наполняя стеклянные бассейны, стеклянные птицы сидели на стеклянных ветвях среди стеклянной листвы, стеклянные статуи античных богов и героев прятались в глубине аллей и, казалось, шептались о чем-то на давно забытом языке.

Удивленная и растерянная, Маша взглянула на свои руки... и с изумлением увидела, что они тоже сотканы из того же прозрачного голубого стекла, что и все в этом саду. Сквозь голубоватую прозрачную кожу просвечивали, едва заметно пульсируя, голубые вены, как в первый морозный день вода засыпающей реки просвечивает сквозь первый, хрупкий, еще незамутненный лед.

И тут она услышала нежный, волшебный и печальный звон. Удивительную, космическую музыку.

Она оглянулась в ту сторону, откуда доносился этот звон, – и увидела, что бледно-голубые цветы на стеклянной

клумбе рассыпаются, раскалываются на миллионы голубых искрящихся осколков вслед за той первой розой, которую она погубила своим неосторожным прикосновением.

А следом за цветами начали опадать листья со стеклянных деревьев, а затем и ветки, и крупные сучья. Вот и статуи начали раскалываться на части. Стеклянная богиня лишилась рук, на мгновение превратившись в подобие Венеры Милосской, – но тут же вся она рассыпалась, превратившись в грудку сверкающих обломков...

Сад разрушался, рассыпался на ее глазах, и этот распад сопровождался неземной музыкой.

И Маша с ужасом поняла, что еще немного, еще несколько минут – и ее тоже затронет эта нежная музыка разрушения, музыка распада, она тоже расколется на мириады осколков. Вот она уже увидела, как по полупрозрачной коже побежала сетка тонких трещин... еще несколько секунд – и ее не станет, она, вместе со своими мечтами и надеждами, превратится в грудку битого стекла...

И тут Маша очнулась.

Она сидела в том же самом кафе, где застал ее короткий и странный обморок. Перед ней стояла почти нетронутая чашка кофе. А за соседним столиком, который прежде был пуст, сидели двое – женщина лет тридцати, довольно привлекательная, можно даже сказать, красивая вульгарной, бьющей в глаза, ненатуральной красотой, и мужчина чуть постарше,

с мрачным и недовольным лицом.

Они разговаривали вполголоса, явно ссорились тихими злыми голосами, женщина, кажется, оправдывалась, мужчина в чем-то ее обвинял, чего-то от нее требовал. С каждым словом накал ссоры нарастал, голоса становились громче, словно кто-то поворачивал ручку невидимого динамика.

Теперь Маша могла разобрать слова.

– Как ты можешь! – говорила женщина звенящим, напряженным, фальшивым, но в то же время полным подлинной страсти голосом, в котором уже слышались подступающие слезы. – Неужели ты способен втоптать в грязь мои мечты? Неужели ты способен грязными сапогами растоптать все мои надежды...

– Усохни! – оборвал ее мужчина. – Прекрати нести эту чушь! Где ты ее набралась? Где наслушалась?

– Я для тебя ничто! – воскликнула женщина. – Я для тебя пустое место! А я, между прочим, человек, у меня есть порывы, искания... у меня есть внутренний мир...

Маша будто воочию услышала ненатуральные голоса актеров из очередного бесконечного сериала, которые смотрит вечерами свекровь. Еще громкость включает на максимум, говорит, слышит плохо.

Ага, если ей что надо, тут же услышит, хоть шепотом разговаривай. И ведь ни за что громкость не убавит, хотя знает прекрасно, что Маше рано на работу вставать. Муж-то ничего не слышит, спит, как слон, никакими пушками его не

разбудишь.

Вспомнив, что завтра вставать в пять утра, Маша еще больше расстроилась.

— Знаю я твои позывы и искания! — мужчина уже и не старался понизить голос. — Знаю я твои мечты! Мечтаешь найти там богатого папика... мечтаешь найти богатого урода, который будет давать тебе деньги на тряпки и побрякушки...

— Как ты можешь! — повторила женщина. — Это — мой большой шанс! Мое будущее!

— Чушь собачья! Туда заманивают таких дур, как ты, готовых на все, чтобы хоть раз мелькнуть на экране...

— А вот и нет! Я выиграла конкурс, ты понимаешь? Это было очень трудно, но я его выиграла! Вот ты меня считаешь дурой, а я выиграла! Я — одна из сотен! Участвовали очень многие, но выиграла я! Видишь, здесь так и написано! — Она показала какой-то глянцевый листок. — Передо мной раскрываются огромные возможности! Огромные горизонты! Съемки, интервью, телевидение... я могу стать звездой, и я этого достойна! Я достойна большего, чем это...

Она обвела взглядом кафе, имея в виду не только его, но и всю свою жизнь.

— Возможно, когда-нибудь я пройду по красной дорожке в этих... Каннах... Я хочу все изменить! Хочу начать жизнь с чистого, белоснежного листа!

— Ага, размечталась! — мужчина вскочил, едва не перевернув стол, вырвал у спутницы листок и швырнул его на пол. —

Только тебя и ждали в Каннах! Уже оркестр заказали! В общем, так, ты должна принять решение – или я, или этот идиотский конкурс! Или он – или я! Алина, ты меня знаешь, как сказал – так и будет! Если сегодня туда пойдешь – можешь завтра собирать свое барахло и катиться ко всем чертям! Хоть в Канны, хоть в Шманны, хоть с Эйфелевой башни прыгай!

С этими словами он резко развернулся и, не оглядываясь, зашагал к выходу из кафе.

– Олег! Олежек! – женщина бросилась за ним, но дорогу ей заступила официантка:

– Куда? А платить кто будет? Вы с твоим дружкой, конечно, повеселили публику, но без денег я тебя не отпущу!

– Да пошла ты, кошка драная! Подавись! Сдачи не надо! – женщина швырнула на стол смятую купюру и бросилась к выходу.

– Сдачи не на-адо! – передразнила ее официантка. – Да я и не собиралась тебе сдачу давать! Было бы о чем говорить! Пятьсот рублей бросила, а гонору – как будто озолотила!

С этими словами она ушла за стойку.

Маше вдруг стало противно оставаться в этом кафе. Ей стало здесь тяжело дышать. Она достала кошелек, положила на стол деньги. Руки у нее тряслись, и одну купюру она уронила на пол. Наклонившись, чтобы поднять ее, увидела на полу возле своего стула какой-то листок, машинально подняла его.

На глянцевом листке было напечатано красивыми, витиеватыми буквами:

«Уважаемая Fillina (странное имя было вписано от руки), телевизионная компания «Рассвет» и продюсерский центр «Три кита» извещает Вас, что вы заняли призовое место в нашем творческом конкурсе, и, как призер конкурса, можете принять участие в съемках шоу «Последняя надежда». Для участия в съемках вам надлежит сегодня в 17.00 прибыть по адресу: Третья Промышленная улица, дом семь, строение четыре. Необходимо иметь при себе это приглашение. Генеральный продюсер В. В. Синдилов».

За этим пышным титулом следовала не менее пышная подпись с затейливым росчерком.

Маша еще раз перечитала письмо.

До нее сегодня все плохо доходило, словно между ней и остальным миром было толстое мутное стекло. Но теперь она поняла, что подняла тот листок, который швырнул на пол мужчина, ссорившийся со своей спутницей за соседним столом. Ну да, это приглашение.

Та девица с ненатуральным голосом выиграла какой-то конкурс, и ее пригласили на съемки шоу, но ее любовник категорически против, и в итоге он настоял на своем...

Судя по имени, вписанному в приглашение, девица участвовала в конкурсе анонимно, точнее – под компьютерным ником. Значит, никто не потребует документов, достаточно этого приглашения...

«О чем я думаю? – промелькнула в Машиной голове удивленная мысль. – Не собираюсь же я идти на эти съемки?»

Вот именно, что это пришло ей в голову? Наверное, она просто еще не очнулась от своих грез, не пришла в себя от очередного посещения стеклянного сада.

Это началось недавно, сегодня... какой раз... третий? Четвертый? Неважно. Но эти видения, они всегда приходили так неожиданно. И всегда она видела один и тот же сад из полупрозрачного голубого стекла.

И всегда в конце все цветы и деревья разбивались на тысячи мелких сверкающих осколков. Маша никому не рассказывала об этих странных видениях, хорошо, что это всегда случалось, когда она была одна – в автобусе, в поезде, вот, как сейчас, в кафе...

А кому рассказать-то, с кем поделиться? С мужем они почти не разговаривают, вроде бы не о чем. Так, по хозяйственным вопросам парой слов перекинутся, а вечером он сразу засыпает. Не свекрови же душу открывать, еще не хватало.

Снова она перечитала приглашение. Ну да, явиться сегодня к пяти часам. Вот просто прийти и дать им приглашение.

«Нельзя. Меня тут же разоблачат. И выгонят с позором», – заныл в голове неуверенный голос.

«А почему бы и нет? – прозвучал там же, в голове, другой голос – спокойный и уверенный. – Конечно, та девица, которой принадлежит приглашение, – пошловата и выглядит слишком вызывающе, но в том, что она говорила, была кру-

пища смысла.

Рискнуть всем, начать все сначала, с нуля, с чистого листа... а что тебе терять? За что держаться? Чего жалеть? Мужа, который ни в грош тебя не ставит? Работу, от которой тебя давно уже тошнит? Может быть, свекровь?»

Маша выронила листок, он плавно спланировал на стол, рядом с чашкой недопитого кофе. Что это? Мало ей странных видений, так теперь в голове звучит какой-то посторонний голос.

Ну, это только так говорится, что голос звучит, на самом деле просто мысли в голове не ее, а другие – смелые, разумные. Так может, прислушаться к этому голосу и рискнуть...

Маша в который раз перечитала приглашение.

В преамбуле письма были названы телевизионная компания «Рассвет» и продюсерский центр «Три кита». Она достала телефон и сделала запрос по этим названиям.

Интернет выдал ей целый ворох ссылок. Компании с такими названиями действительно существовали, на их счету числилось множество телевизионных шоу, программ и сериалов.

Значит, это не жулики...

Да, но она-то собирается проникнуть на съемки обманом, по чужому приглашению! Ведь та девица выиграла какой-то конкурс, значит, у нее есть способности...

И снова в голове у нее зазвучал внутренний голос:

«Ты ее видела, слышала, как она говорит. Неужели ты ду-

маешь, что не сможешь обойти ее в любом конкурсе, где нужно проявить хоть немного способностей?»

«Как знать, – тут же возразила сама себе Маша, – мало ли какие нужны способности».

И тут до нее дошел еще один важный момент. Может быть, самый важный из всех.

Время.

Время, когда следовало прибыть на съемки. Это было сегодня, до начала оставалось всего два часа. Так что, если она хочет рискнуть, если хочет попытаться изменить свою судьбу – ей нужно поторопиться, иначе этот шанс будет упущен...

Она оставила на столике деньги и прошла в туалет. Что бы там ни случилось, ни одна женщина не выйдет на улицу, не взглянув на себя в зеркало.

Да, вид в зеркале не слишком впечатлял, и это еще мягко сказано. С такой физиономией не то что на шоу, в школьные уборщицы и то не возьмут.

Маша достала косметичку и привычно расстроилась. Пудра дешевая, а помада вообще закончилась. Стыдно сказать, спичкой нужно выковыривать. Но сейчас и спичка не поможет. О чем она только думала? Уж на то, чтобы помаду новую купить, много времени не нужно.

Живет, как в тяжелом сне, мысли тягучие, скучные, все время одни и те же. Что по работе сделать, что в магазине купить, и то особенно думать не надо, свекровь вечно одно и то же готовит, суп с мясом, наваристый, так что, по ее же

собственному выражению, «ложка стоит». Едят они этот суп на ужин, потому что свекровь не признает никаких кафе и столовых. По ее словам, домашнее питание – самое лучшее, а от кафешек этих только язву наживешь.

Маша считает, что от ее жирного супа свекровь наживет непременно болезнь печени, но помалкивает. Да кто ее слушать станет? Кому ее слова интересны?

Муж ест да похваливает, может и наутро спросить: «Маша, а супцу вчерашнего не осталось?»

Маша воочию представила себе запах свекровкиного супа, и ее тут же затошнило. Нет, нужно немедленно взять себя в руки.

Маша посильнее подвела глаза, попудрила нос, и о, чудо! Кто-то забыл на полочке перед раковиной тюбик губной помады. Конечно, нехорошо пользоваться чужим, ну да ладно.

Помада была для нее слишком яркой, сама она никогда бы не купила такой цвет, но неожиданно помогла, сделала лицо выразительнее, и уголки губ больше не опускались уныло.

– Что ж кофе не допили? – встретила ее в проходе официантка, и глаза ее злорадно блеснули.

Нет, с этой девицей что-то не так, она посетителей всерьез ненавидит. Если ее не уволят, то она, пожалуй, в чай-кофе яд подсыпать начнет.

– Сама свои помои пей! – бросила ей Маша.

И не ожидала вовсе от себя такого, никогда раньше не ругалась в общественных местах. Ей нахамят, она скукожится,

голову в плечи втянет да и пойдет.

Официантка, надо думать, тоже такого не ожидала от бессловесной, затурканной жизнью женщины. Во всяком случае, она не нашлась, что ответить.

Маша вышла из кафе и на мгновение задумалась.

Промышленная улица... не очень-то обнадеживающее название.

Маша понятия не имела, где эта улица находится, но не сомневалась, что далеко от центра. И как туда добраться?

Еще не додумав эту мысль до конца, она встала на край тротуара и подняла руку.

Это был необычный для нее поступок. Маша не привыкла пользоваться такси или частными извозчиками – ее приучили экономить на всем.

Как говорила свекровь: «копейка рубль бережет». Так что основной транспорт, каким она пользовалась, – маршрутки.

Черт с ней, со свекровью! Если менять жизнь, нужно начать это прямо сейчас! Как раз командировочные выдали.

Рядом с ней остановилась серая неприметная машина. Маша замешкалась, и из машины донесся гнусавый, словно простуженный, недовольный голос:

– Ну что, будем садиться или так и будем стоять? У меня, между прочим, время не казенное.

– Сажусь, сажусь! – Маша открыла дверцу, плюхнулась на пассажирское сиденье, мимоходом подумав, что водитель мог бы и открыть ей дверь.

Устроившись на сиденье, она взглянула на этого водителя. Это был мужчина лет сорока с обвислым носом, глубоко посаженными тусклыми глазами и унылым, недовольным лицом.

– Что смотришь? – протянул он гнусавым, словно простуженным, голосом. – Куда едем?

Маша снова растерялась.

Ей казалось, что она стоит на краю высокого обрыва, перед зияющей пропастью. Всего один шаг вперед – и ничего уже будет не вернуть... обратной дороги не будет... жизнь – не видеозапись, ее не отмотаешь назад!

А стоит ли что-то возвращать? Есть ли в ее жизни хоть что-то, чем стоит дорожить? Не лучше ли зачеркнуть прошлое и броситься в эту пропасть?

Что ее ждет? Падение, ужас, боль... а может быть – полет? Незнание, прекрасное чувство?

– Ну что – едем, наконец? – с явной неприязнью процедил водитель. – Или говори, куда ехать, или вылезай! Мне, между прочим, на жизнь нужно зарабатывать!

– А можно на «вы»? – проговорила Маша твердо, неожиданно для себя самой.

– Чего? – опешил водитель.

– Мы незнакомы, и на «ты» не переходили, так что обращайтесь ко мне на «вы». Пожалуйста.

– Ишь ты, цаца какая! – удивился водитель, но тут же поправился. – Ишь вы! Так все же куда едем?

– Промышленную улицу знаете?

– Я все знаю! Не первый год по городу катаюсь! – И машина тронулась.

Ехали они долго, и Маша от ровного шума мотора, от мягкого укачивания автомобиля впала в какое-то странное состояние полусна-полуяви.

Таксист, поглядывая в зеркало заднего вида, думал, что его пассажирка задремала, но Маша вовсе не спала. Мысли текли вяло, неторопливо, тягуче, как вода в спокойной реке. И вставали перед ней вопросы.

Первый: отчего у нее такая скучная и нелепая жизнь, и нет у нее никаких надежд на будущее. Все какое-то серое, одинаковое, хмурое, как ноябрьское утро.

И второй вопрос: как дошла она до такой жизни? Неужели все из-за замужества?

Маша вышла замуж рано, в двадцать два года, и Антошка родился через пять месяцев. Ну да, она забеременела как полная дура, да еще поняла это далеко не сразу, а потом пожилая врач отговорила ее что-то делать.

Сколько, говорила, у меня в кабинете сидело женщин, которые до слез, до обморока ребенка хотели, а не могут. Кучу денег и нервов тратят на лечение, а когда лечение не помогает, на всякие там процедуры, чтобы забеременеть, а не получается! А вам, дурам, само счастье в руки идет, а вы хотите его уничтожить? Всю жизнь потом каяться будешь, никогда себя не простишь.

Не то чтобы Маша так не хотела ребенка, просто собиралась учиться. И слишком мало они знакомы были с Иваном, всего-то четыре месяца встречались.

Он был старше ее на восемь лет, работал водителем.

Когда Маша сказала ему, что забеременела, то ожидала всякого. Может просто повернуться и уйти, как случилось с одной знакомой девчонкой из техникума.

Снимали они вместе с парнем квартиру, и все вроде было хорошо, а как получился ребенок – так парень, ни слова не говоря, тут же съехал обратно к родителям, а потом приехал к ней его отец, дал денег на аборт, заплатил за квартиру вперед на месяц и сказал, чтобы более его сына она не беспокоила. Вот так вот, а ведь почти год вместе жили. И все было хорошо, то есть это она так думала. И даже собиралась летом его к себе везти, с родителями знакомить.

У нее потом все плохо стало. Протянула с абортом, пошла поздно, сделали плохо, провалялась в больнице, техникум, конечно, бросила, устроилась на работу в какой-то магазинчик задрипанный, жизнь беспросветная, начала попивать, потом все больше, в магазине еще недостачу навесили... в общем, встретила ее Маша через полгода и не узнала даже. Лицо опухшее, под глазом синяк застарелый, одежда грязная, колготки рваные. Ужас! Тусуется с какими-то бомжами, в общем, видно, что человек конченный.

Так что Маша ничего хорошего от разговора с Иваном не ждала, ко всему была готова.

Выслушал он ее внимательно, конечно, особой радости не проявил, сказал, что подумает. И ушел.

Маша так и решила, что насовсем ушел, значит, самой нужно проблему решать. Стерла его номер из мобильного и приказала себе про него забыть. Тут-то врач ее и отругала, чуть из кабинета не выгнала.

А через три дня Иван ее у работы встретил: «Что за дела, почему не отвечаешь? Идем с матерью знакомиться».

Маша тогда так растерялась, что свою волю не проявила. А как увидела свекровь будущую, так вообще замолчала и все делала как скажут.

Свекровь все решала.

«Свадьбы, – сказала, – не нужно, нечего зря деньги на ветер бросать. Понаедут, понабегут разные, им бы только нажраться да “горько” поорать. Нечего эту шваль приваживать».

Это она про родственников так.

Маше было все равно, ее как раз тошнить начало, так что про свадебный стол с неизбежным салатом оливье и селедкой под шубой и думать было страшно. А родственников у нее не было, только тетка двоюродная в родном городе. Мама умерла молодой, а отца она и вовсе не помнит.

Муж еще шутил, что жениться надо на сироте, вот он так и сделал, какой умный.

А у Маши вся беременность прошла как в полусне. А потом Антошка родился, крикливый такой, неугомонный, она

все время спать хотела. Свекровь тогда работала, муж к маленькому не подходил.

Маша похудела, голова все время кружилась от переутомления. Еще ведь грудью кормить ребенка надо было.

В конце концов упала она как-то в обморок на лестнице, хорошо, соседка мимо шла, успела подхватить. Вызвали «Скорую», приехала быстро, врачи сказали, что переутомление и гемоглобин упал донельзя. Все это врач свекрови высказала, довели, говорит, девку до ручки, краше в гроб кладут.

Полежала Маша в больнице неделю под капельницами, свекровь сама с ребенком управлялась. И прикипела к нему душой, тут уж ничего не скажешь, внука она любит, только Машу ненавидит. Уж почему так – неизвестно. Впрочем, свекровь есть свекровь...

Молоко у Маши в больнице пропало, перевели Тошку на смеси, стал он наедаться и теперь спал спокойно.

А свекровь с того времени стала Машу поедом есть. И то ей не так и это. Прямо в глаза говорила, что невестка попалась ей ни на что не годная, ничего не может и не умеет. Пустое место, в общем.

Оглянулась Маша по сторонам, да и поняла, что совершенно не нужно ей было замуж выходить, ни к чему все было. А что делать, ведь ребенок маленький, куда денешься.

Прошло время, устроилась она на работу, да все не то. И денег мало, и скучно. Но образования высшего нет, профес-

сии тоже никакой, да еще кадровики как увидят в анкете, что ребенок маленький, такую физиономию скроют, как будто к ним террорист на работу устраивается, а не мамочка молодая.

Время шло, Антошка рос, и ничего не менялось. Муж был к ней совершенно равнодушен. Ну, вспоминал о ней раз в неделю, Маша иногда думала, что это у него такой же рефлекс, как в баню сходить. Так и то после бани более довольный являлся.

Причем Маша знала, что в баню он ходит один, только чтобы попариться, а пива дома выпьет. Не ездит он на рыбалку, и в баню большой компанией не ходит, никаких там девиц, и все такое, этого нет. Не курит и пьет в меру, да и то больше пиво.

Зарплату в дом приносит и свекрови отдает, себе немного оставляет, у него потребности небольшие, сам говорит.

Со временем работу водителя оставил и, по выражению свекрови, пошел на повышение, то есть стал заведовать гаражом в той же фирме, где раньше водителем был. Растолстел немного, голос солидный, говорит мало, слова скупно цедит, движения неторопливые, куда спешить? Кому надо, подождет, говорит.

Положительный, в общем, человек, только до чего скучный. Ничего не читает, даже газет, в телефоне у него даже игр нет, только контакты и навигатор. Вечером придет, поест, телевизор посмотрит да и спать ляжет. И так каждый

день. В выходные, кроме бани, никуда не ходит, ну, свекровь на рынок свозит или в супермаркет.

Пыталась Маша раньше хоть в кино его позвать или в парк погулять, так свекровь сразу возбурилась: куда тебе еще из дома его тащить? Нет бы по хозяйству помочь, а тебе бы только удовольствия справлять.

Так и говорит: «справлять» – как будто это день рождения.

Антошка такой же получился. Водила его Маша на занятия разные, на спорт, в бассейн – все не то. Позанимается немного да и бросит. Неинтересно ему.

Педагоги только плечами пожимают, не хочет – не заставляйте, способностей у него никаких нет, так что зря ребенка мучить и деньги тратить. Да еще свекровь ворчит, уж она-то всегда на Антошкиной стороне.

В садике ничем не выделялся, в школу пошел – тоже в основном на тройках едет. Читать не любит, Ну, на уроках не хулиганит, так учительница и довольна.

Первое время спрашивала Маша, какие у него интересы, чего хочет, о чем мечтает? Молчит, отмахивается, ну, в компьютер поиграет иногда, и то, как подслушала она однажды в школе разговоры мальчишек, что ее сын в этом деле не ас.

Сама себе призналась, что сын малость туповат. Ну, не ей бы говорить, она сама не доучилась, ни умом, ни образованием не взяла.

А как-то года полтора назад задержалась Маша на рабо-

те, начальник прицепился с какими-то документами. А свекровь с ужином ее никогда не ждет, опоздала, говорит, – твои проблемы, а я десять раз подогревать не нанималась.

Вошла Маша тихонько, свет в прихожей не успела зажечь, а они на кухне сидят. Стол лампой освещен, и увидела Маша, как они все трое похожи: свекровь, и муж, и Антошка. Все похоже: и лица, и фигуры, и жесты, и голоса даже. Сидят за столом, едят молча, и видно, что им разговаривать и не надо, и так хорошо. Семья, в общем. Только ей в этой семье места нет. Не нужна она им, лишняя она на этой кухне, за этим столом.

Как дошло такое до Маши, так она сумку выронила. Повернули они все трое головы на звук, никто не обрадовался, никто с места не вскочил, стул ей не пододвинул – долго, мол, ждали, садись скорей с нами...

Ничего этого не было, только свекровь прошипела что-то нелестное, да муж кивнул скупно. А сын и вовсе ничего не сказал.

Вот тогда и у Маши в душе что-то перевернулось. Раньше-то она себя тем утешала, что хоть с мужем не повезло, зато ребенка она родила, жизнь кому-то дала, есть у нее сын. А тогда поняла, что и сына-то нет. То есть он есть, но сам по себе, что вот случись что с ней – он и горевать особо не станет. А про мужа и говорить нечего.

Нечувствительные они все, странные, другая порода людей, как будто от другой обезьяны произошли. Им друг с дру-

гом хорошо, комфортно, но никого другого к себе не примут.

Автомобиль резко подбросило на рытвине, Маша опомнилась и выглянула в окно.

Они ехали по безлюдной улице, по обеим сторонам которой высились одинаковые безликие бетонные корпуса. Промышленные здания, давно заброшенные и обезлюдевшие. Асфальт под колесами машины был растрескавшийся, разбитый, через него пробивалась пожухлая трава, а местами даже крошечные, уродливо искривленные деревца. Тут и там валялись бетонные блоки, ржавые обломки арматуры, железные детали неизвестного назначения. Кое-где темнели глубокие лужи, хотя дождя давно не было.

Прямо скажем, странное место для проведения съемок телешоу! Наверняка здесь что-то не так – либо она перепутала адрес, либо это приглашение на съемки – чья-то жестокая шутка, чей-то идиотский розыгрыш...

Вдруг водитель ударил по тормозам. Автомобиль резко остановился.

– Все, дальше я не поеду! – заявил водитель раздраженно.

– Что, разве уже приехали?

– Не знаю, как ты, а я точно приехал!

Маша огляделась и увидела на одном из серых корпусов выцветшую табличку: «3-я Промышленная улица, дом 3».

– Эй, постойте, мне нужно дальше!

– Дальше не поеду! Дальше – сама, ножками! Я и так чуть

из-за тебя машину не угробил! А дальше мне и вовсе не проехать, у меня все же машина, а не вертолет! И даже не гусеничный вездеход! Видела, что впереди?

Действительно, впереди на дороге была огромная яма, на дне которой темнела вода. Вдоль этой ямы тянулись узкие мостки.

– Дальше не поеду! Вылезай!

От злости водитель снова перешел на «ты», но Маша не стала заедаться. С каждой минутой она все больше сомневалась, что приняла правильное решение. Она представила, как будет выбираться отсюда, из этого глухого угла, если не найдет нужную компанию, и умоляюще поглядела на водителя:

– Я вас очень прошу, не уезжайте, подождите меня здесь! Хоть полчаса! Ну, пожалуйста!

– Ладно, полчаса подожду! Только расплатись сейчас! А то сбежишь, не заплатив...

Маша удивилась, с чего он стал таким покладистым. Она заплатила, выбралась из машины и пошла вперед по мосткам.

Мостки под ней скрипели и качались, она боялась, что они подломятся и она провалится в яму с грязной водой. Однако ей удалось благополучно перейти на другую сторону...

И тут сзади послышался шум мотора.

Оглянувшись, Маша увидела задние огни уезжающей машины.

Теперь ей стала понятна неожиданная стоворчивость водителя – он и не думал ее дожидаться, просто не хотел конфликтовать, пока не получит свои деньги.

Маша тяжело вздохнула.

Похоже, она влипла по полной. Перед ней было два пути: возвращаться прямо сейчас или все же найти нужный адрес и убедиться, что там нет никакой телекомпании.

И она выбрала второй вариант – чтобы потом не корить себя, что не довела дело до конца. Тем более что до времени, указанного в приглашении, оставалось всего полчаса.

Она шла вперед по грязной, разбитой, безлюдной улице мимо одинаковых темных корпусов и мысленно ругала себя. Надо же, захотела зачеркнуть свою прежнюю жизнь, начать все с чистого листа – и в итоге оказалась в полной заднице... Нет, новая жизнь – это не для нее! Придется возвращаться в свой повседневный ад – к мужу, свекрови и командировкам в Металлопрокат... Но как же не хочется...

И тут она увидела на очередном бетонном корпусе заляпанную грязью табличку:

«3-я Промышленная улица, дом 7».

А чуть ниже к стене была прикреплена картонка, на которой крупными буквами от руки было написано:

«Последняя надежда».

И стрелка, которая указывала налево.

Последняя надежда... только сейчас Маша поняла, насколько символично название конкурса, насколько точно

оно отображает ее собственную жизненную ситуацию.

Ну что ж, во всяком случае, она, кажется, не ошиблась с адресом...

Маша пошла туда, куда показывала стрелка – и скоро увидела в бетонной стене железную дверь, к которой снова вели шаткие деревянные мостки, перекинутые через глубокую канаву.

На двери было написано опять-таки от руки: «Строение 4», хотя никакого отдельного строения Маша не заметила.

Неловко балансируя, она перешла по мосткам, толкнула дверь.

Дверь была заперта.

Только этого не хватало!

Маша чуть не разрыдалась от бессилия и безысходности – но тут из невидимого динамика донесся женский голос:

– Куда?

– На съемки шоу «Последняя надежда»! – выпалила Маша, понимая, как глупо это звучит.

– Имя?

– Фелина! – проговорила она, вспомнив слово, от руки вписанное в приглашение.

Раздался щелчок, и дверь открылась.

Маша проскользнула внутрь и перевела дыхание.

Неизвестно, чем все это закончится, но она, по крайней мере, нашла нужное место и прибыла в него вовремя.

Она увидела, что дверь за ее спиной медленно закрывает-

ся, повинуюсь доводчику, и осознала только теперь, что перешла некоторую границу и что ее скучная монотонная жизнь закончилась. Хуже будет дальше или лучше, она не знает, но прошлое не вернется никогда.

С чего у нее возникла такая уверенность, Маша предпочла не уточнять.

Она огляделась.

Узкий полутемный коридор вел от двери в глубину здания. Стены его были выкрашены унылой темно-зеленой краской, на полу лежал такой же унылый зеленый линолеум. Маша пошла вперед, поскольку больше ничего не оставалось.

Вскоре коридор раздвоился. Ей показалось, что справа промелькнула какая-то фигура, и она хотела было повернуть в ту сторону, но тут увидела на стене знакомую картонку с надписью «Последняя надежда» и жирной стрелкой, указывающей налево.

Сомнения отпали.

Она пошла налево, и вскоре оказалась перед стойкой вроде гостиничной рецепции. За этой стойкой сидела женщина средних лет в строгом черном костюме, с коротко остриженными черными волосами, с сильно подведенными глазами и без тени улыбки на лице. Плотно сомкнутые губы превратились в узкую малиновую линию, словно прорезанную бритвой.

– Слава богу, я вас наконец нашла! – проговорила Маша с

неуверенным облегчением и выдала робкую, заискивающую улыбку.

– Приглашение! – процедила женщина за стойкой, не озаботившись ответной улыбкой. И не поздоровалась и даже, кажется, на Машу и не взглянула.

– Вот... сейчас... – Маша открыла сумку и полезла за приглашением, но никак не могла его найти среди всяких бесполезных мелочей, накопившихся в сумке.

– Сейчас... секундочку... оно было здесь, честное слово... да где же оно...

Она уже вообразила, что выронила приглашение, когда расплачивалась с водителем – и тут злополучный листок выпал из сумки и спланировал на пол.

– Вот оно, нашлось! – Маша подняла приглашение и протянула администратору.

Та начала его внимательно изучать, а Маша, чтобы нарушить напряженную тишину, заговорила:

– Надо же, как вы далеко забрались! Какое неудобное место! Так долго добираться...

Администратор отложила приглашение. Теперь ее лицо казалось куда более приветливым, и она даже сообразовала ответить Маше:

– У нас, конечно, есть офис в центре, но там сейчас ремонт, вот и пришлось пока разместиться здесь. Но вы не беспокойтесь, здесь все предусмотрено, вам здесь будет удобно.

– А что – это надолго? – спросила Маша, удивленно огля-

девшись по сторонам.

– Не могу вам сказать, – женщина сделала какую-то отметку на приглашении и нажала кнопку на стойке.

Тут же у нее за спиной открылась неприметная дверь, оттуда вышел мужчина лет сорока с седыми висками и аккуратными усиками, в костюме без галстука. Он подошел к Маше, улыбнулся и проговорил мягким бархатистым голосом:

– Я буду вашим куратором. Меня зовут Павел. Пойдемте со мной.

Маша обрадовалась, что он не спросил ее имя, потому что не могла вспомнить, как звали ту девушку, чьим приглашением она воспользовалась. Впрочем, может быть, они тоже не знают ее имени...

Павел открыл перед ней ту же дверь и придержал, вежливо пропуская вперед.

Они оказались в небольшой комнате без окон, посреди которой стоял пустой стол и два кресла по его сторонам. Павел показал Маше на одно из этих кресел, сам сел напротив.

Маша устроилась в кресле – и тут вспомнила, как звали ту девушку. Алина. Ну да, конечно, Алина, так назвал ее спутник. И компьютерный ник она выбрала созвучный: Алина – Фелина...

Павел тем временем достал откуда-то портфель, вынул из него стопку листов, блокнот и ручку, положил на стол.

Пристально взглянув на Машу, спросил:

– Сколько вам лет?

Маша смутилась, но ответила честно:

– Тридцать два.

Может быть, Алина чуть моложе, но лучше говорить правду, когда можно – меньше шансов запутаться, меньше шансов забыть, что говорила прошлый раз...

– Ваша группа крови?

– Первая, – ответила Маша после секундной заминки.

– Ваш рост?

– Метр шестьдесят восемь.

Она ждала уже неизбежного вопроса про вес, но вместо этого Павел спросил:

– Сколько будет двадцать семь плюс шестнадцать?

– Сорок три, – ответила Маша, подумав несколько секунд.

– Как вас зовут?

– Алина, – ответила она, может быть, слишком быстро. Но он, кажется, ничего не заметил.

– Столица Филиппин?

Маша на мгновение растерялась, но потом откуда-то из глубины памяти само собой выскочило слово:

– Манила.

– Ваш любимый цвет?

– Синий, – выпалила Маша, хотя секунду назад не знала, что синий цвет нравится ей больше всех остальных.

– Ваш размер обуви?

– Тридцать восьмой.

– Ваша фамилия?

К этому вопросу Маша готовилась. Сначала она думала сказать – Иванова, но потом решила, что это будет слишком прямолинейно, и нужно подобрать что-нибудь не такое распространенное, но, как назло, в голову ничего не лезло, тогда она ляпнула:

– Лоскутова.

Павел что-то записал в своем блокноте, потом достал из своего портфеля еще один лист и положил его перед Машей. На этом листе было большое черное пятно, черная бесформенная клякса из двух одинаковых половин.

– Что вы здесь видите?

Маша вспомнила, что видела такую кляксу в каком-то старом детективном фильме. В голове даже всплыло название – тест Роршаха. В том фильме человека тоже заставляли рассказывать, что он видит в этой кляксе. Но вот для чего был этот тест, что он показывал, она не помнила, и стала честно разглядывать пятно.

– Я вижу дорожку... усыпанную гравием дорожку, по обе стороны которой растут деревья, а впереди, в конце дорожки – круглый фонтан... даже два фонтана... и еще клумбы с цветами, и мраморные статуи... это сад...

Разумеется, ничего этого она в кляксе не видела, просто вспомнила про свои видения, вот и сказала про сад. На секунду она испугалась – а вдруг этот куратор поймет, что она врет?

– Хорошо... очень хорошо... – Павел снова сделал помет-

ку в своем блокноте.

– Стекланный сад... – проговорила Маша после короткой паузы.

Она сама не знала, почему у нее вырвались эти слова.

– Стекланный сад? – Павел удивленно посмотрел на нее. – Почему стекланный?

– Не знаю... – растерянно ответила Маша. – Правда не знаю... почему-то мне так показалось.

Павел еще что-то записал в своем блокноте, потом он убрал все в портфель и проговорил:

– Что ж, сейчас немного подождите, пока мы обработаем ваши результаты.

Он встал и открыл перед Машей дверь – не ту, через которую они вошли. Эту дверь Маша вообще не видела, пока Павел не открыл ее. Здесь вообще было удивительно много потайных дверей. И других тайн, других загадок.

Маша вышла и оказалась в другой комнате. Здесь было значительно светлее, вдоль стен стояло несколько красных кожаных диванчиков. В комнате находились четыре женщины примерно Машиного возраста. Перед диванами стояли низкие столики, на них лежали стопки глянцевого журналов. Еще в этой комнате было окно – по крайней мере, так Маше сначала показалось. За этим окном был цветущий сад. Однако, когда она пригляделась внимательнее, то поняла, что окно это нарисовано на стене, как и сад за ним.

И правда, какой здесь сад? За стенами этого здания пром-

зона со всеми ее прелестями.

Одна из женщин, которых увидела Маша, листала журнал, две другие вполголоса переговаривались. Еще одна – полная, в свободном платье – стояла у окна. При Машином появлении они замолчали и с любопытством уставились на нее.

– Ну что, прошла тест? – спросила одна из них.

– Не знаю, – Маша пожала плечами. – Он сказал, что нужно ждать результата.

– Ждать, – повторила женщина. – Мы здесь только и делаем, что ждем. Тебя как зовут?

Маша уже открыла рот, чтобы назвать свое настоящее имя, но вовремя опомнилась и проговорила:

– Алина.

– Ну, Алина, добро пожаловать в наш клуб! Я – Милена, это – Елена, Марина и Карина.

Кариной оказалась та полненькая, которая стояла возле фальшивого окна. Та, что с ней разговаривала, Милена, была, напротив, очень худа и энергична. И голос громкий, хорошо поставленный. На лицо не очень смотрелась – нос длинноват, глаза слишком близко посажены, одета в брючный костюм.

– Главное для нас – что? – Милена сделала паузу, как будто ждала подсказки.

– Что? – переспросила Маша. У нее не было никакого желания разгадывать загадки, ей хватило Павла с его вопросами.

– Главное для нас – не перессориться! Они, – Милена бросила взгляд на дверь, за которой остался Павел, – они будут пытаться нас перессорить, стравить друг с другом...

– Зачем?

– Это – их задача! Чем больше между нами конфликтов, тем интереснее шоу! Ты понимаешь?

Маша ничего не успела ответить. Открылась дверь, и в комнату вошла та самая женщина в черном костюме, которая сидела на рецепции. Узкие губы были поджаты, лицо дышало арктическим холодом. На шее у нее висел бейдж, где было написано имя – Эльвира.

Маша подумала, что это имя ей подходит.

– Все собрались, – проговорила она с непонятным злорадством, – ну, пойдемте посмотрим, на что вы годитесь!

Она открыла еще одну дверь и жестом приказала всем пройти в нее. Маше показалось, что с ними обращаются как с дрессированными собачками. Не хватало только обруча, через который они будут прыгать. И косточек – в качестве награды за послушание и сообразительность. Но в конце концов, она сама сделала выбор...

Как видно, здесь не спешили объяснить, что с ними будут делать и как будут проходить съемки, Маша решила ничего не спрашивать. Возможно, участницы конкурса должны это знать?

Женщины оказались в длинной комнате, посреди которой стоял стол. С одной стороны было несколько стульев, с дру-

гой – два кресла. В одном из этих кресел сидел мужчина лет пятидесяти с остроконечной бородкой, в дорогом костюме, второе заняла женщина в черном.

Остальные расселись на стульях.

– Давайте познакомимся, – проговорил мужчина, оглядев присутствующих. – То есть я-то уже знаю, как вас зовут, ознакомился с вашими анкетами, а я – Василий Андреевич. Мы с вами будем работать. Работать, я думаю, плодотворно. Для начала несколько несложных вопросов. Выигрывает та из вас, которая ответит первой.

Он снова оглядел участниц и продолжил:

– Чашка кофе и булочка вместе стоят сто двадцать рублей. Кофе на сто рублей дороже булочки. Сколько стоит булочка? – Двадцать рублей! – радостно выпалила полненькая Карина. Тема вопроса, видимо, была ей близка.

Она победно оглядела остальных девушек – мол, знай наших!

Маша хотела было согласиться с Кариной, но тут с ней случилось что-то странное. Она снова оказалась в том странном саду, в стеклянном саду своих видений. Но в то же время она оставалась в комнате, среди участников сомнительного шоу. Стол и люди вокруг него стали прозрачными, как стекло, Маша видела сквозь кожу голубоватые вены, больше того – она видела мысли и желания окружающих, видела тайные, скрытые мотивы их поступков...

Это видение продолжалось какую-то долю секунды, и сно-

ва вокруг Маши была обычная комната, и Карина победно оглядывала остальных девушек.

Глаза Василия Андреевича хитро блеснули – как будто Карина попалась в расставленную им ловушку.

Но теперь Маша видела все иначе, чем прежде. Все, в том числе нехитрую задачку. Она быстро прикинула – если булочка стоит двадцать рублей, а вместе с кофе – сто двадцать, значит, кофе стоит сто рублей, то есть не на сто, а на восемьдесят рублей дороже булочки... значит, булочка стоит...

– Булочка стоит десять рублей! – быстро проговорила она, пока до остальных не дошел смысл задачки.

– Верно, – Василий Андреевич удовлетворенно кивнул и что-то записал на листке.

– Как – десять? – удивленно пролепетала Карина. – Почему – десять?

– Тогда кофе стоит сто десять, ровно на сто рублей дороже, чем булочка.

Губы Карины обиженно скривились, Милена бросила на Машу недоброжелательный взгляд.

– Ладно, продолжим. Пять человек за пять часов собирают пять корзинок черники. Сколько времени потребуется ста людям, чтобы собрать сто корзинок?

Женщины задумались. На этот раз первой ответила Милена:

– Сто часов.

Маша представила сто энергичных старушек с корзинка-

ми, представила, как они ловко обирают усыпанные ягодами кустики. И снова сквозь эту мысленную картинку проступил стеклянный сад ее видений – и ответ выскочил сам собой:

– Те же пять часов.

– Правильно! – Василий Андреевич улыбнулся ей и снова что-то записал.

– Постойте, почему пять? – удивленно проговорила Милена. – Им ведь надо собрать сто корзиночек...

– Но их и самих сто! – ответила Маша.

На это раз Милена посмотрела на нее с открытой злостью.

– Третья задача! – перебил их Василий Андреевич. – В пруду растут кувшинки. Каждый день их становится вдвое больше. Если за двадцать четыре дня они покроют весь пруд, то за сколько дней они покроют половину?

Карина и Милена, наученные опытом первых вопросов, молчали. Первой нарушила тишину Елена:

– За двенадцать дней!

– А если подумать?

Маша снова увидела стеклянный сад, волшебный сад своих видений, а посреди него – тенистый, сонный пруд, покрытый кувшинками. Если каждый день кувшинок в пруду становится вдвое больше и если за двадцать четыре дня они покрыли пруд целиком, значит, накануне они покрывали половину...

– За двадцать три дня! – проговорила она тихо.

– Почему за двадцать три? – спросила Елена – и тут у нее в

глазах проступило понимание. – Да, действительно, двадцать три... тогда за последний день они покроют весь пруд...

– Что за... – начала было Милена, но Василий Андреевич ее резко перебил:

– Ну, и еще одна задачка. Скажите, какое слово здесь лишнее: арфа, огурец, табурет и баобаб.

– Арфа! – снова первой выпалила Карина.

– Почему? – осведомился Василий Андреевич.

– Потому что она – музыкальный инструмент.

– А по-моему, лишний здесь огурец, – возразила Маша. – Все остальные слова начинаются и кончаются на одну и ту же букву.

На этот раз ей даже не пришлось прибегать к своим видениям – ответ всплыл у нее в голове сам собой. Вот просто стало все ясно. Да и не такая уж сложная эта загадка.

– Хорошо, – Василий Андреевич что-то записал и поднялся со своего места. – Сейчас мы пройдем в другую комнату. Эльвира, проводите наших гостей...

– Ну, ты даешь, – шепнула Милена, – на ходу подметки рвешь! Где ты этому научилась?

Эльвира переглянулась с шефом, подошла к очередной двери, на этот раз ей понадобился ключ. Она открыла дверь, и все прошли в следующую комнату.

Эта комната была гораздо больше предыдущих и не была на них похожа. Вместо обычной офисной мебели в ней были расставлены странные бесформенные предметы из полупро-

зрачного стекла, что-то вроде стеклянных кустов или скорее кораллов, обросших прозрачными отростками.

Среди этих стеклянных кораллов были расставлены несколько стульев, посредине комнаты на небольшом столике находился какой-то электронный пульт.

И снова Маша вспомнила стеклянный сад своих видений, на этот раз с куда большим основанием.

– Садитесь! – проговорил Василий Андреевич.

Женщины расселись. Эльвира встала в угол комнаты, Василий Андреевич занял место перед пультом. Убедившись, что все устроились, он нажал несколько кнопок.

Тут же стеклянные кораллы засветились странным голубым сиянием. Это сияние становилось все сильнее и сильнее, затем оно начало пульсировать.

Голова у Маши закружилась, ей показалось, что ее тело стало невесомым. Кажется, еще немного – и она взлетит... или растворится в пульсирующем свечении...

А потом у нее возникло странное чувство, будто в этой пульсации скрыт некий тайный смысл, будто с ней говорит кто-то давно знакомый, но забытый... кто-то, кого она давно знает и кому она безоговорочно доверяет... будто этот давний знакомый что-то сообщает ей, что-то очень важное...

Вдруг пульсация света прекратилась, а потом стеклянные кораллы погасли.

Женщины переглядывались, они выглядели растерянными и удивленными. Василий Андреевич отошел от пульта,

потирая руки, и проговорил:

– Завтра мы продолжим. Сейчас Эльвира разместит вас по вашим комнатам...

– Как – по комнатам? – забеспокоилась Милена. – Мы что – будем здесь ночевать?

– Разумеется, – заговорила женщина в черном. – Завтра прямо с утра мы продолжим нашу работу.

– Но я не сказала дома, что не вернусь... Вы не предупредили, что так будет... И вообще, что это все значит, для чего все эти тесты, и когда будут съемки? Я ничего не понимаю...

– Это – ваши проблемы. Если не хотите участвовать в съемках – пожалуйста, уезжайте. Никто вас силой не удерживает. Но только сейчас. Если же сейчас вы останетесь, тем самым вы подтвердите, что согласны участвовать в съемках шоу до самого конца. До того, как определится победитель...

– Я... я согласна... – проговорила Милена после короткого раздумья, и оглядела остальных участниц. – Только сейчас я позвоню домой... я должна предупредить...

Она достала телефон, потыкала пальцем в экран, и лицо ее удивленно вытянулось:

– Нет связи...

Елена тоже достала телефон – и у нее тоже ничего не получилось, сигнала не было.

Она очень расстроилась:

– Я должна поговорить с дочкой – иначе она не заснет...

мы с ней обязательно разговариваем перед сном...

Не сумев позвонить, Елена стала показывать всем фотографии дочки на том же телефоне. Хорошенькая девочка с голубыми глазами и золотистыми локонами...

Маша не стала и пробовать звонить – толку-то? Тем более что вряд ли ее кто-то хватится. Вот если она ночевать не придет – тогда, конечно, заметят. Но тоже ничего делать не станут, не станут звонить в полицию или в больницы.

А вот интересно, когда они забеспокоятся? Сколько должно пройти времени – неделя, месяц, год? Ну, это она, конечно,хватила. Наверное, завтра муж позвонит ей на работу, а там скажут, что она уехала в командировку. Вот так вот, все совпало.

– Со связью здесь действительно проблемы, – Эльвира развела руками. – Такое уж тут место... сами видели – пром-зона... Так что – вы хотите уехать?

– Нет... я останусь... – Милена отступила, но глаза ее блеснули сердито.

– Все останутся?

Ответом ей было молчание.

– Если никто не хочет уезжать, я покажу вам ваши комнаты, – бросила Эльвира нелюбезно.

– А ужин будет? – заволновалась Карина. – Я не смогу заснуть без ужина.

– Обязательно!

Эльвира открыла очередную дверь, и женщины вошли

в следующую комнату. Здесь был длинный стол, накрытый клетчатой виниловой скатертью, на нем стояли пять стаканов с молоком и пять тарелок с крекерами.

– Не буду вам мешать! – И с этими словами Эльвира вышла, закрыв за собой дверь.

– Это ужин? – разочарованно протянула Карина.

– По крайней мере, похудеем! – Милена села к столу и пригубила молоко. – Тебе, между прочим, полезно поголодать!

У Карины обиженно задрожали губы.

Маша переглянулась с Еленой и поняла, что той тоже не понравилась бесцеремонность Милены. Надо же, сама же призывала их не ссориться, а вяжется к этой толстушке Карине. Какое ей дело до чужого веса!

Сама Милена запихала в рот сразу три крекера и поднесла к губам стакан с молоком. Тоже поест не дура!

Маша присела к столу и взяла с тарелки крекер. Молоко она не любила, и поэтому отставила стакан. Была у нее в сумке маленькая бутылка воды, эту привычку приобрела она в командировках.

Ехала как-то в поезде с одной пожилой дамой, та рассказала, что всю жизнь по командировкам, какой-то она редкий специалист, все время по стране мотается. А у нас, говорит, цивилизация не везде еще присутствует. В глубинке-то европейских гостиниц не найдешь, так что по старой, советской еще привычке берет она с собой бутылку воды и кипятиль-

ник. Такие, говорила, гостиницы попадаются, там не то что чайника, стакана простого не допросишься. И без еды, сказала, человек уж несколько дней прожить сможет, а без воды – никак. А какая там вода, из-под крана, что ли, пить? Так что бутылочка всегда с собой должна быть.

Так Маша с тех пор и таскает в сумке всегда воду. И сейчас она вместо молока в номере попьет водички.

– Ты молоко не будешь? – спросила Карина, примостившаяся рядом с ней.

– Нет, не выношу его.

– Да я его тоже не очень люблю, но ничего другого ведь нет... можно, я возьму твое?

– Да ради бога! – Маша пододвинула стакан соседке.

Та выпила свое молоко, потом Машино, с завистью взглянула на Машины крекеры, но не стала просить – устыдилась.

– Вытри рот, – посоветовала ей Маша. – У тебя молоко на губах.

– Станный какой-то вкус у этого молока! – пожаловалась Карина, вытирая губы салфеткой. – Наверное, восстановленное... из сухого порошка...

Когда все разделались со скудным ужином, к Маше подошла Милена.

– А ты крута! – проговорила она вполголоса. – Скажи честно – тебе эти вопросы заранее дали?

– Нет, конечно, с чего ты взяла?

– Правда? – Милена спросила это неприязненно, но по-

том сделала над собой явственное усилие и улыбнулась: – В общем, нам с тобой нужно держаться вместе...

Маша пожала плечами и отвернулась. Милена ей не нравилась, какая-то она беспардонная, слишком активная, всюду лезет, интригует. К Маше вроде в подруги набивается, Карину обидела, а потом, небось, к Елене подкатит или к этой... к Марине.

Елена производила неплохое впечатление – приятная блондинка, дочка очень на нее похожа. И... Маша заметила, что вместо обручального кольца у нее на правой руке обычное колечко, с зеленым камушком. Интересно, с кем она девочку оставила...

Через несколько минут в комнату вошла Эльвира, внимательно оглядела стол, увидела, что все съедено и выпито и удовлетворенно потерла руки.

– Что ж, хорошо. Теперь – по комнатам!

Они пошли по полутемному коридору. Эльвира открыла одну из дверей,пустила Милену, зашла с ней и почти сразу вышла, захлопнув дверь за собой. Замок звучно щелкнул, из чего Маша сделала вывод, что дверь заперта.

Комната, в которую Эльвира привела Машу, была маленькая, в ней едва помещалась узкая кровать, стол, стул и стеной шкаф. Еще здесь была дверь – видимо, в санузел.

Эльвира вышла.

В тот момент, когда она закрывала дверь, Маша под влиянием мгновенного импульса скользнула к двери и приложи-

ла к язычку замка сложенное вчетверо приглашение на шоу.

Дверь захлопнулась, но замок не защелкнулся. Маша снова удивилась, до чего здорово у нее все получилось. Откуда что взялось – и реакция быстрая, и сообразительность. Но она решила, что сейчас не время над этим думать.

Маша еще раз оглядела свою комнату. За второй дверью обнаружился крошечный санузел – унитаза, раковина и душевая кабинка, в которой едва можно было уместиться. Все, однако, было новое, чистое. На полочке возле раковины лежала зубная щетка в нетронутой целлофановой обертке и тюбик пасты. И полотенце – простое, вафельное.

Маша умылась и почистила зубы. Да, завтра утром противно будет надевать несвежее белье, но делать нечего. Хорошо хоть душ есть.

Полотенце с трудом раздиралось от избытка крахмала. Маша поморщилась, свекровь так белье крахмалила, чуть стиральную машину не сломала. Белье такое жесткое получалось, как на досках спишь. В углу на полотенце стоял штамп «БУ СНК». Вот и верно, что БУ, полотенце-то далеко не новое.

Маша вернулась в комнату и села на кровать.

Вот теперь самое время подумать.

Несомненно, она попала в очень странное место. Эта Промышленная улица и убогий офис... Кстати, 3-я Промышленная, а где, интересно, первые две? И есть ли они?

В общем, она представляла себе съемки шоу совершенно

по-другому.

Во-первых, отчего так мало людей? Во-вторых, для чего все эти тесты и загадки? Для чего их проверяют? Вместо того чтобы учить держаться перед камерой и так далее, им задают дурацкие задачки, просто как на школьной викторине. Непонятно.

Но и сама она изменилась. Она буквально не узнавала себя. Быстрые и правильные ответы на сложные вопросы, удивительная реакция... и это видение, этот стеклянный сад...

Но все же что это за странное место? Что здесь происходит? Это совсем не то, что они обещали... А хотя Маша понятия не имеет, что они обещали, это знала та, вместо кого она пробралась сюда обманом, эта Алина. Ох, как бы не оказался прав ее муж или бойфренд, утверждая, что все это – туфта...

День сегодня был длинным и трудным, Маша устала. Она прилегла на кровать, не раздеваясь, поверх одеяла, чтобы дать отдых телу, – и не заметила, как задремала.

Но почти сразу проснулась, потому что ей показалось, что в ее комнате кто-то разговаривает.

Она села на кровати, сбросила остатки дремоты.

Нет, ей не показалось – в комнате действительно раздавался негромкий мужской голос, он доносился откуда-то из-под потолка.

Прислушавшись, Маша узнала голос Василия Андреевича. Но вот слова... слова были какие-то бессмысленные, бес-

связные.

– Двести семьдесят четыре. Алеут. Вагранка. Сорок шесть. Кетцалькоатль. Восемьсот семнадцать. Переплетная мастерская. Достижение. Кессонная болезнь. Четыреста шестьдесят восемь. Автоген. Никарагуа. Семьсот девяносто...

Слова были бессмысленные, но голос Василия Андреевича звучал властно, повелительно, и Маша почувствовала, что под влиянием этого голоса, этих странных, бессмысленных слов в ее мозгу возникают непонятные картины. Металлическая лестница вроде корабельного трапа... длинный коридор, в конце которого видна полуоткрытая дверь, а за этой дверью – сутулый человек... наполненный людьми зал – то ли концертный, то ли лекционный, и тот же сутулый человек идет по проходу между рядами...

А потом перед ней возник сад, удивительный голубовато-прозрачный стеклянный сад из ее прежних видений... она шла по этому полупрозрачному саду, среди голубых цветов и деревьев, а внутри нее звучали загадочные слова:

– Газгольдер... Вальпараисо... девятьсот семьдесят два... тритон... ожидание...

И вдруг сквозь этот властный, гипнотический голос пробился какой-то странный, посторонний звук.

Маша вздрогнула – и очнулась, пришла в себя и прислушалась. Голос Василия Андреевича все еще звучал под потолком комнаты, но из коридора доносились быстрые, тороп-

ливые шаги нескольких человек, приглушенные голоса. Кто-то вскрикнул, упало что-то тяжелое, но потом снова наступила тишина.

Маша сбросила остатки сна, поднялась, подкралась к двери, осторожно нажала на дверную ручку. Дверь бесшумно открылась, и она выглянула в коридор.

В дальнем его конце промелькнула фигура в черной униформе, остановилась возле очередной двери и скрылась за ней.

Что это? Ей показалось, или правда, в этом пустынном месте появились какие-то люди? Но почему ночью?

Маша вышла из комнаты и крадучись двинулась по коридору.

Ноги сами принесли ее к той двери, за которой только что исчез человек в черном. Маша остановилась перед этой дверью, замерла и прислушалась.

Из-за двери доносились два голоса. Один из них был ей знаком – это был голос Василия Андреевича, тот же самый голос, который только что раздавался в ее комнате, произносил непонятные, бессмысленные слова. Но сейчас он не казался ни властным, ни гипнотическим – он звучал растерянно, словно оправдываясь.

Второй голос был резкий, с сухим металлическим призвуком. Голос человека, привыкшего командовать. Человека, привыкшего, что его приказы немедленно исполняются.

Мужчины разговаривали негромко, но в ночном здании

царила глубокая, напряженная тишина, а Машины чувства были до предела обострены, поэтому она различала каждое слово.

– Тебе ведь однозначно сказали, что эксперимент нужно немедленно прекратить! – говорил незнакомец, обладатель резкого металлического голоса. – Это был приказ! А приказы, как известно, не обсуждаются, их выполняют!

– Как это можно прекратить! Мне осталось совсем немного! Я уже, собственно, добился результата! Ты прекрасно понимаешь, как это важно! Ты прекрасно понимаешь, какие перед нами откроются возможности! Мы потратили на эксперимент столько времени, столько сил, столько денег, в конце концов! Я должен довести его до конца!

– Ты, кажется, меня не слушаешь! Все должно быть немедленно прекращено!

– Нет, это ты меня не слушаешь! Я уже многого добился, группа подобралась хорошая, особенно один человек... я обязательно должен довести дело до конца! Дай мне еще один день!

– Только не сейчас! Комитет принял решение – и оно непременно будет исполнено. Если это не сделаю я, завтра пришлют другого человека. Он не будет с тобой разговаривать... И я это делаю только ради нашего давнего знакомства... Василий, ну, опомнись же ты наконец! Да, я согласен, твои исследования очень важны, эксперимент, возможно, и уникален, но безумно опасен!

– Но мне практически все удалось! Работа зашла слишком далеко! Сейчас как раз заканчивается последняя фаза! – Василий Андреевич почти кричал, в голосе его появились умоляющие нотки.

– Подопытные в состоянии глубокого сна? – отрывисто спросил его собеседник.

– Да, вечером я провел первую фазу, потом, за ужином, им дали принять препарат, предельную дозу, и сейчас им внушается вся связка... к утру они будут готовы к первому испытанию...

– Какое, к черту, испытание? – на этот раз слышно было, что обладатель металлического голоса вышел из себя. – Не будет никаких испытаний, ты понял? Они спят, тем легче будет от них избавиться.

– Что ты имеешь в виду? – голос Василия Андреевича сорвался, он просто пустил петуха.

– Ты прекрасно знаешь что. Мы не можем допустить, чтобы вовне просочились хоть какие-то сведения об эксперименте! Ни в коем случае не можем! – теперь у его собеседника фразы были рубленые, он ничуть не волновался.

– Ты собираешься... – теперь в голосе Василия Андреевича прозвучал явный ужас, – ты хочешь устранить всех... всех участников моего эксперимента?

– Чего я хочу – не имеет никакого значения. Важно только то, что я – точнее, что мы должны сделать. Еще раз напоминаю тебе – никто не должен узнать об эксперименте! Так

что устранить придется всех — не только подопытных, но и обслуживающий персонал.

— Весь?!

— Кроме самых необходимых. Эльвиру можешь оставить, а все остальные...

В голосе незнакомца прозвучала такая холодная, бездушная жестокость, что Маше показалось, будто ее сердце сдавила ледяная рука. Ей стало тяжело дышать.

Но тут же она поняла, что нельзя терять ни минуты, нужно действовать, действовать как можно быстрее... действовать, если она хочет остаться в живых! Она не стала сомневаться и раздумывать, отчего-то она сразу поняла, что незнакомец с металлическим голосом говорит серьезно.

Эксперимент... Черт его знает какой, но однозначно незаконный. Но тогда понятно, отчего их пригласили в такое убогое место, и народу тут мало.

Очень осторожно Маша отошла от двери и сделала несколько шагов назад, боясь развернуться и спастись бегом. Под ногу попало что-то острое, так что она едва не вскрикнула. Услышав шаги в коридоре, когда проснулась, она не стала надевать туфли, а побежала босиком. Попробуйте-ка ступать бесшумно на каблуках! Так что теперь она наступила босой ногой на щепку или на кусок проволоки. Ну да, так и есть, обломок гвоздя. Хорошо, что не поцарапалась до крови.

Однако боль Машу несколько отрезвила. А что, если это

все так и было задумано? Мистификация, обманка. Ну, слышала она, как разговаривают двое, мало ли что наговорят. А что, если это – тоже своего рода тест?

Не будем уточнять, за каким чертом им все это нужно, но этот Василий Андреевич какой-то странный...

Вдруг ее ушей достиг какой-то звук – как будто кто-то всхрипнул или всхлипнул, потом захлебнулся и затих.

Она бросилась по коридору назад – туда, откуда совсем недавно привела их Эльвира. Однако не прошла и десяти шагов, как увидела на полу какую-то темную, бесформенную грудку.

Подойдя к ней, она попятилась и едва сдержала крик: на полу лежало ничком безжизненное человеческое тело.

Преодолев страх, она снова подошла к этому телу и осторожно дотронулась до него.

От этого толчка человек перекатился на спину, и она узнала Павла, того мужчину, который проводил с ней первый тест. Глаза его были широко открыты, но в них не было признаков жизни.

Маша дотронулась до его шеи, чтобы нащупать пульс, – но ничего не почувствовала. Зато она увидела на горле Павла узкую красную полосу, и поняла, что он задушен...

Человек с металлическим голосом уже приступил к реализации своего кошмарного плана! Ну да, он ведь только что сказал, что персонал тоже должен быть уничтожен... Так быстро...

Маша представила себе, как тонкая веревка обвивается вокруг шеи все туже и туже, вот уже воздух не может пройти в гортань...

От ужаса она едва не задохнулась, вскочила и метнулась прочь по коридору, мимо закрытых дверей. Прочь, прочь отсюда, прочь из этого ужасного места!

Тут она вспомнила, что за этими дверьми спят остальные участницы подозрительного шоу, и подумала, что их тоже нужно спасти или, по крайней мере, предупредить.

Она бросилась к первой двери, дернула за ручку.

Дверь открылась – наверное, замок на ней нельзя было открыть только изнутри, снаружи он открывался легко. На кровати лежала, повернувшись лицом к стене, толстушка Карина.

Дверь за спиной Маши начала закрываться.

Чтобы замок не защелкнулся, Маша подложила под язычок тот же сложенный листок, который взяла из своей комнаты, подбежала к кровати.

– Карина! – зашептала Маша. – Проснись! Просыпайся, говорю! Нужно отсюда уходить!

Карина даже не шелохнулась.

Маша пригляделась к ней, прислушалась... и в душу ее закралось ужасное подозрение.

В тишине комнаты она не слышала дыхания Карины, не замечала ни малейшего движения. Просто лежит как... как мертвая? Ужас какой, неужели она опоздала!

Маша наклонилась ниже, потрясла Карину за плечо, перевернула на спину.

Карина не дышала.

Неужели те ужасные люди уже добрались до нее? Как сказал тот человек – от всех избавиться... Но когда же они успели? Вроде бы только что Маша слышала тот разговор, и в коридоре никого не встретила...

Но нет, на Карине не было никаких следов насилия. Она словно безмятежно спала. На лице толстушки застыло выражение детской обиды, из-под полуопущенных век поблескивали краешки белков. На губах виднелись следы молока.

Маша вспомнила слова Василия Андреевича: «За ужином им дали предельную дозу препарата...»

Вспомнила, как за ужином Карина пожаловалась на непривычный вкус молока...

Все ясно. В молоке был какой-то препарат, вызвавший у тех, кто его принял, глубокий сон. Карина выпила два стакана молока – и получила двойную дозу препарата. И заснула таким сном, глубже которого не бывает. Заснула навсегда.

Маше показалось, что она услышала нежный, жалобный звон. С таким звоном рассыпался стеклянный сад ее видений. Неужели и вся жизнь рассыплется сейчас на тысячи сверкающих осколков?

В комнате внезапно не стало воздуха. Она схватилась за горло, с трудом преодолела спазм и вздохнула. Справившись с ужасом, выскочила из комнаты.

Открыла соседнюю дверь, как прошлый раз, подложила под язычок замка сложенный листок, метнулась к кровати.

На этой кровати, разметавшись, спала Елена.

В первый момент Маше показалось, что она тоже мертва, и душу ее захлестнуло отчаяние. Но тут она услышала сонное дыхание женщины, неразборчивое бормотание.

Маша подскочила к кровати и потрясла Елену за плечо:

– Поднимайся! Вставай, Лена! Нужно отсюда уходить! Немедленно уходить!

Елена что-то недовольно промычала и отвернулась к стене.

– Да вставай же! – Маша ущипнула ее за щеку, но Лена только поморщилась, как обиженный ребенок.

Это было ненормально. Человек не может так крепко спать, если только... ах, ну да, ведь за ужином им дали какой-то препарат. Это все объясняет...

Неужели ей не удастся разбудить остальных женщин? Неужели все они обречены?

Она снова безуспешно потрясла Елену за плечи, но та даже не шелохнулась.

Маша оглядела комнату в тщетной надежде найти что-то, что поможет ей разбудить Елену.

И тут на полу она увидела булавку. Обычную английскую булавку.

Маша нагнулась, подняла булавку, распрямила ее и уколола Елену в ногу.

Та дернулась, вскрикнула и открыла глаза.

– Что это было? – пролепетала сонным, невнятным голо-
сом, и тут увидела Машу.

– Что ты делаешь в моей комнате?

– Потом, потом! Поднимайся, нам нужно уходить отсюда!
Разбудить всех и увести их! Иначе нас убьют!

– Что за ерунду ты несешь? – недовольно проговорила
Елена, и глаза ее снова начали закрываться. – Дай мне по-
спать... очень спать хочется... сил нет, как хочется...

– Если ты сейчас заснешь, ты больше не проснешься!

– Да что ты такое несешь... что за ерунда... кому мы нуж-
ны... дай же мне поспать...

Голос ее становился тише, глаза слипались.

– Говорю тебе – просыпайся!

Маша еще раз уколола Елену булавкой. Та вскрикнула и
села в кровати.

– Ты что – с ума сошла? Больно же!

– Говорю тебе – нужно вставать и уходить отсюда, иначе
нас всех убьют!

Елена тупо смотрела перед собой. Маша едва не опустила
руки, но тут вспомнила фотографии на Ленином телефоне и
решила применить запрещенный прием.

– Ты дочку свою хочешь увидеть?

– Дочку? – вскинулась Елена, в ее глазах проступило
осмысленное выражение. – Само собой...

– Тогда возьми себя в руки и проснись!

Елена встряхнула головой и сползла с кровати.

– Да что со мной такое... никогда такого не было...

– И вот опять! – передразнила ее Маша. – Пойми – нам всем за ужином что-то подмешали в молоко, какое-то сильное снотворное.

– А ты?

– А я не пила молоко.

– Да, у этого молока правда был какой-то странный привкус... мне тогда еще показалось...

– Ну что, ты пришла в себя?

– Более-менее...

– Тогда пойдем, постараемся остальных тоже вытащить.

Елена сделала несколько неуверенных шагов, взяла со стула свою сумочку, достала из нее стеклянный пузырек, откупорила. По комнате поплыл резкий знакомый запах. Елена поднесла пузырек к носу, глубоко вдохнула, передернулась, как промокшая собака, встряхнула головой. Глаза ее прояснились.

– Что это?

– Нашатырь. У меня иногда кружится голова, так я ношу с собой пузырек. Очень помогает.

– Хорошо, это нам пригодится! Нам нужно разбудить остальных... тех, кого еще можно.

– Что ты хочешь сказать? – глаза Елены испуганно заметались, и Маша решила не говорить пока о Карине.

Елена привела себя в порядок, оделась, причем Маша все

время ее подгоняла. Они вышли в коридор, подошли к следующей комнате, открыли дверь.

Там спала Марина. Маша попробовала ее разбудить, но, как и с Еленой, вначале ничего не вышло. Но теперь у Маши был уже опыт, и она уколола Марину булавкой, а когда та вздрогнула и открыла глаза, Елена поднесла к ее носу пухляк с нашатырем.

Марина ахнула, подскочила и изумленно уставилась на женщин.

– Что такое? Что случилось? Почему вы здесь?

– Просыпайся, одевайся! – скомандовала Маша. – Нам нужно срочно уходить отсюда.

– Почему? В чем дело?

– Потом, я все объясню потом! Сейчас – подъем!

Марина неохотно поднялась. Елена помогала ей одеться, а Маша, чтобы не терять времени, вооружилась булавкой и нашатырем и отправилась в следующую комнату – туда, где спала Милена.

Однако ни булавка, ни нашатырь ей не понадобились. Едва она потрясла Милену за плечо – та, как ни странно, тут же проснулась и удивленно уставилась на Машу:

– Что случилось?

– Потом объясню. Сейчас нужно уходить отсюда.

Как ни странно, Милена не стала задавать никаких вопросов, она быстро поднялась, оделась, и они вышли в коридор, где их уже ждали Елена и Марина.

Маша оглянулась, прислушалась и махнула рукой, чтобы все двигались за ней.

— Куда мы идем? — вскинулась Милена. — Ты можешь объяснить, что все это значит?

— Помолчи! — цыкнула на нее Маша злым шепотом. — Орешь как на вокзале, сейчас они услышат и прибегут.

Они прокрались по коридору в ту комнату, где проводились тесты, там никого не было.

— Ну вот, все в сборе, теперь нужно подумать, что делать, как отсюда выбраться.

— Как — все? — удивленно спросила Елена, оглядев собравшихся. — А Карина?

Маша помрачнела:

— Ей мы уже не сможем помочь.

— То есть... что значит — не сможем?

— Она умерла.

— Не может быть! Как это — умерла? Она выглядела совершенно здоровой...

— Вообще объясните мне, что происходит! — потребовала Марина. — Я никуда не пойду, пока вы не скажете, в чем дело...

— При чем тут я? — фыркнула Милена. — Это она у нас теперь главная, она все придумала!

И они уставились на нее все трое: Елена — с недоумением, Милена — с нагловатым прищуром, а Марина — с откровенной ненавистью.

Маша только сейчас ее как следует разглядела, до этого Марина держалась в тени. Ни о чем не расспрашивала других, не задавала вопросов ни Эльвире, ни Василию Андреевичу, не отпускала никаких комментариев, не рассказывала о себе, как Елена, не вязалась к другим, как Милена, не жаловалась на условия, как Карина. Помалкивала, в общем.

В отличие от Карины Марина была худа и угловата, одета очень просто – джинсы и джемперок на молнии, все самое обычное. Вот на Елене тоже джинсы, но видно, что приличной фирмы, и куртка кожаная, мягкая, такую не то что надеть, погладить – и то сразу видно, что дорогая.

Маша вздохнула и коротко рассказала своим подругам по несчастью про то, как проснулась среди ночи оттого, что Василий Андреевич говорил какие-то странные слова.

– Не может быть! – тут же перебила ее Милена. – Тебе наверняка приснилось!

Маша только махнула рукой, чтобы не перебивали, и рассказала про неизвестных людей в коридоре и как она прокрадлась к кабинету Василия Андреевича и услышала там разговор его с незнакомым мужчиной.

– Это не съемки шоу, а какой-то очень опасный эксперимент! – втолковывала она. – И теперь этот тип пришел, чтобы все прекратить, а он не может допустить утечки информации, поэтому он сказал, что нужно всех подопытных уничтожить. И персонал тоже, только оставить эту стерву Эльвиру.

– Точно, очень неприятная женщина! – закивала Елена.

– Все сказала? – Милена встала напротив Маши и сложила руки на груди. – Ничего не забыла?

– Времени нет подробности обсуждать...

– А теперь ответь, для чего тебе все это нужно!

– Как – для чего? – оторопела Маша. – Говорю же вам, здесь опасно!

– Ага, опасно... трупы вокруг валяются! И где они, те трупы? Их только ты видела, так можешь и соврать, вот только я хочу выяснить, зачем тебе это надо? Хотя что там, я и так знаю! Хочешь, чтобы мы все отсеялись, а ты победила и все деньги себе заграбастать?

– Какие деньги! – тут Маша удивилась по-настоящему.

– Ты идиотку-то из себя не строй! – зло бросила Милена. – Никто не поверит, что ты дура, вон какие задачки на счет раз решала! Сообразительная, блин...

– Ну да, деньги... – сказала Елена, – победитель получает миллион, ты разве забыла?

– Ах, деньги... – Маша вспомнила, что в подслушанном разговоре в кафе никакие деньги не фигурировали. Все ясно, Алина нарочно не сказала про них своему любовнику, чтобы он не наложил потом лапу. Хитра, нечего сказать... и неглупа, хоть с виду и не скажешь. Прикинула варианты и решила не рисковать своим благополучием. И получается, что правильно сделала.

– Вряд ли деньги понадобятся покойникам, – буркнула

Маша.

– Слушай, ну, что ты завелась? – Милена подошла ближе и говорила теперь не так сердито. – Ну, допустим, мы поверим, что ты не врешь, что ты и правда что-то там слышала и видела. А что, если это – инсценировка? Если нас проверяют, если это – очередной тест?

Маша и сама подумывала об этом, но после того как увидела двух покойников, уверилась, что все на самом деле.

– Говоришь, Павел в коридоре лежит задушенный? – говорила Милена. – А чего же его не спрятали? Не унесли куда-нибудь? Или Карина заснула мертвым сном? А если она притворяется? Ты, что ли, врач, чтобы смерть констатировать?

– Нет, не врач, – угрюмо бросила Маша, – но... я пульс проверила, пульса не было.

– Пульса не было? – захохотала Милена. – Ну, этот фокус в любом детективном фильме покажут! Чем-то там шею обматывают, что пульс не прощупывается!

– Точно, – неожиданно поддержала ее Марина, – они же тут профессионалы.

– А я о чем говорю? – обрадовалась Милена. – Теперь этот Павел, якобы его задушили. Он что – холодный был? Нет, конечно, якобы остыть не успел. А я тебе скажу, что просто полоску на шее нарисовали, а ты и поверила. И еще: говоришь, шли вооруженные люди, спецназовцы, и где они теперь? Отчего они за нами не идут?

– Ори громче, тогда придут, – разозлилась Маша. – В общем, так. Я ухожу из этой богадельни, а вы как хотите, решайте сами. Верите мне, не верите, мне все равно.

– Ты не можешь уйти, ты контракт подписала! – голос Милены зазвенел.

– Меньше народу – больше кислороду! – криво усмехнулась Маша. – У вас больше шансов миллион заработать! Кто со мной?

– Я, – Елена подошла к Маше. – Я хочу уйти отсюда, зря я все это затеяла, лучше бы не начинала. Страшно тут, если хоть часть из того, что ты говорила правда, то и миллион не нужен.

– Миллион не нужен? – вдруг протянула Марина каким-то завывающим, ненатуральным голосом. – Ах, тебе миллион не нужен? Ну, ясно, сама упакована по высшему классу, от скуки решила в шоу принять участие. Мужик тебя содержит, и чтобы ты на стенку не лезла, разрешил. Миллион так просто отбросила и пошла. Еще бы, зачем тебе деньги, ты только свистни – и все у тебя будет. И так уже есть, и всегда было. Знаю я таких, как ты, куколок балованных. Сначала родители на руках небось носили, потом к мужу на шею пересела. Живешь как в раю, ходишь как по облаку, знать не знаешь, что кругом совсем другая жизнь, и думаешь, что так всегда и будет.

– Это не так... – слабым голосом сказала Елена.

– Да что ты о жизни знаешь? – Марина наступала на нее. –

Ты знаешь, как жить, когда нет денег не то что за квартиру, а и угол у бабки-алкоголички снять не на что? Когда поесть себе можешь позволить только один раз в день, и то не досыта? И никто не поможет, ни попросить, ни занять не у кого...

— Отстань от нее! — Маша решила вмешаться, видя, что Елена не боец. — Ты на голодающую не похожа, и на бомжиху тоже, нечего тут на жалость бить!

— На жа-алость? — расхохоталась Марина, и смех ее был такой злобный, что не хотелось слушать, хотелось заткнуть уши. — Ну, уж жалеть себя я никому не позволю! И милостыню просить не собираюсь! Сама возьму все что надо!

Елена все отступала от нее назад и уперлась в стену, а Марина вдруг схватила ее за руку.

— И вали отсюда, дрянь! — прошипела она. — Не путайся под ногами! Зарабатывай деньги другим местом! А мне миллион нужен! Так что пускай тут хоть всех передушат-перережут, я не уйду.

— Отойди от нее! — Маша увидела, что Еленины глаза потемнели от боли. — Мы уходим, а вы как хотите!

Она схватила Елену за плечо и подтолкнула вперед, краем глаза следя за Мариной, как бы та не ударила в спину. Но Марина внезапно потеряла к ним интерес и отвернулась. Милена выглядела озабоченной, но удерживать их не стала.

— Не отставай! — бросила Маша Елене, когда они отошли на некоторое расстояние от тех двоих.

— Послушай, а ты что — так и собираешься идти? — Елена

указала на Машины босые ноги.

– Черт! – только сейчас Маша сообразила, отчего ей так неудобно.

Как выскочила тогда, чтобы подслушать беседу тех двоих, так с тех пор и не была в своей комнате. Все из-за дурацких туфель, которые купила зачем-то, хотя они ей и не понравились совсем. Даже если бы они были у нее на ногах, как убежать на каблуках, они же стучат.

Вон у Елены на ногах мягкие мокасины, легко и удобно... И сумка у нее красивая... черт, Машина сумка тоже осталась в комнате! А в ней... ну, прежде всего там папка с документами, которые она должна была отвезти на завод в Металлопрокате. Кошелек и паспорт у нее в кармане жакета, и мобильник там же.

Это ее та же тетенька научила, командировочная. Клади, говорит, самые необходимые вещи поближе к себе, так, чтобы, во-первых, получше спрятать, а во-вторых – легко достать можно было. В командировках всякое может случиться, мало ли – проверка документов, ты начнешь в сумке рыться, только людей рассердишь. Они ведь тоже на работе, может, какого-то преступника ищут, а тут тетеха все дело затормозила. А сумку ведь в том же поезде всегда украсть могут, так что лучше держать важные вещи поближе к телу.

Так у Маши уже условный рефлекс выработался, спасибо той тетеньке за науку.

Значит, бог с ней, с сумкой, но идти босиком никак не

получится. Что делать?

И тут же за поворотом послышались шаги, и Маша утянула свою спутницу в нишу ближайшей двери. Потом осторожно выглянула и увидела Эльвиру. Вид у помощницы Василия Андреевича был весьма помятый. Ну, еще бы, соскочила небось с постели, а тут такие новости. Волосы не прилегали к голове, а стояли дыбом, как у рассерженного ежа, глаза не накрашены и оттого казались маленькими, вот губы были, как всегда, плотно сжаты.

Черный костюм отсутствовал, вместо него на Эльвире были спортивные брюки и рубашка в крупную клетку, на ногах – тапочки. Ну да, эта зараза знала ведь, что женщин оставят на ночь, припасла небось заранее кое-что из одежды. Может, у нее обувью разжиться?

Одним прыжком Маша приблизилась к двери и прислушалась. За дверью была какая-то возня, вот что-то упало, Эльвира чертыхнулась, что-то передвинули... и Маша едва успела отскочить от двери, потому что та распахнулась, и Эльвира выскочила в коридор, волоча за собой объемистую сумку.

К счастью, она побежала не в ту сторону, где скрывалась Елена, и быстро скрылась за поворотом. Маша успела придержать дверь, не дав ей захлопнуться.

Комната у Эльвиры была попросторней тех спален, где ночевали участницы шоу, но обставлена так же скудно. Был только стол, где, судя по всему, стоял раньше компьютер, ва-

лялись там какие-то карандаши и листки бумаги. Компьютер Эльвира, надо думать, взяла с собой, не решилась оставить.

На узкой койке, криво застеленной одеялом, валялись те самые спортивные брюки, а в стенном шкафу Маша нашла чемодан с теми же тапочками и пакетом грязного белья. И все, больше ничего интересного. Придется удовольствоваться тапочками, хорошо хоть они не домашние шлепанцы.

– Что это? – Елена робко заглянула в дверь, в руках у нее была флешка. – Я на пороге нашла...

– Давай сюда! – Маша в это время вошла в спортивные брюки. Тапочки оказались впору, у них с Эльвирой был один размер, хоть это хорошо. Она предпочла не заметить осуждения в глазах Елены – нехорошо, мол, брать чужое. Конечно, нехорошо, но, как говорит ее свекровь: «Тут уж не до жиру, быть бы живу...»

Маша свернула за угол и прибавила шаг. Елена едва поспевала за ней.

– Куда мы идем? – спросила она через минуту. – Ты знаешь, куда нужно идти?

– Примерно, – уклончиво ответила Маша.

Она почувствовала неловкость и добавила:

– Мы идем примерно в том направлении, откуда пришли вчера. Там должен был выход.

И тут коридор перед ними закончился, превратившись в тупик.

– И куда теперь? – спросила Елена, с надеждой глядя на

Машу.

Маша хотела резко ответить ей – мол, я-то откуда знаю, но в последний момент удержалась от грубости. Она вспомнила, как Елена показывала фотографии своей дочки, и подумала, что сделает все, чтобы они снова увиделись...

Вот интересно, у нее ведь самой сын, а она о нем и не думает. Все потому, тут же поняла Маша, что, если с ней что-то случится, если она не вернется, Антошка не пропадет, у него есть отец и бабушка. Что уж перед собой притворяться, сын к ней и не привязан совсем. Они трое – семья, а Маша так, сбоку припека...

У Елены, надо думать, совсем другой случай, так что нужно ей к дочери добраться как можно скорее.

Но вот куда сейчас идти?

Она закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться.

И снова, как много раз до этого, оказалась в удивительном саду, в стеклянном саду своих видений.

Она шла по дорожке между рядами стеклянных апельсиновых деревьев, усыпанных полупрозрачными плодами. Вдруг дорожка оборвалась, уткнувшись в стеклянную стену...

Маша повернула голову вправо, потом влево – и увидела, что за стеклянной стеной притаился укромный грот, от которого ее отделяет только хрупкая перегородка, не толще яичной скорлупы. Она дотронулась до этой перегородки, стекло рассыпалось от ее прикосновения, и она, наклонившись,

вошла в грот, в темное пространство, уходящее в глубину, в неизвестность...

– Что с тобой? – раздался рядом озабоченный голос Елены. – Очнись! Там кто-то идет!

Маша открыла глаза.

Она стояла перед глухой стеной, а позади, за поворотом коридора, раздавались приближающиеся шаги.

Маша вспомнила свое видение – и протянула руку, дотронулась до стены в том же месте, как в стеклянном саду.

Но стена не рассыпалась от ее прикосновения.

Действительно, глупо было на это рассчитывать.

Эта стена была не из стекла, а из гипсокартона.

А шаги приближались к повороту коридора...

Маша в отчаянии нажала на стену изо всех сил.

Стена не рассыпалась и на этот раз – но она поддалась, повернувшись на оси, как вращающаяся дверь. За ней темнел глубокий проем, похожий на грот в саду ее видений.

– Скорее, сюда! – прошептала Маша, ныряя в потайную дверь. Елена проскользнула за ней, дверь за ними захлопнулась, на стене от нее не осталось и следа.

Здесь, как и в том гроте, было темно и тесно.

– Где это мы? – вполголоса спросила Елена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.